

Дождь припустил сильнее. Вскоре вернулся Лу И: натянув на голову капюшон, он тащил ведро с водой, бережно прижимая к груди стеклянную банку. Одежда его промокла насквозь.

Чжао Кай развернул солнечные панели, соорудив для Тан Буфаня подобие навеса. Сам Тан Буфань вытащил складной стул и устроился под этим укрытием перед крошечным костерком. На огне стояло побитое железное ведро — учитель выжигал древесный уголь.

Процесс этот нехитрый: набить ведро ветками доверху, накрыть крышкой, оставив крошечную щель для выхода газов, и развести снизу сильный огонь. Под воздействием высокой температуры древесина внутри нагревается без доступа кислорода, обугливается и постепенно превращается в качественный уголь.

— И надо же было дождю полить, — Лу И с усмешкой водрузил ведро и стеклянную банку на подножку автодома. — Зря только всё утро с водой туда-обратно носился.

— Да и я дров почти не успел наколоть, — вздохнул Тан Буфань. Возле его ног высилась скромная охапка нарубленных веток.

— Разве я не просил тебя сидеть в тепле и вязать свитер? — Лу И наклонился, подбирая поленья.

— Мал ещё взрослым указывать, — Тан Буфань лишь отмахнулся. Он прекрасно знал, что делает, и слушаться мальчишку не собирался. Жди он послушно в сухом салоне — они бы сейчас ковали без единого сухого полена.

Лу И лишь покачал головой, пряча улыбку. С этим упрямым спорить было бесполезно — сердиться на него не получалось.

По части двойных стандартов учителю Тану вообще не было равных.

Сложив охапку в кузов, Лу И потянулся к железному ведру.

— Учитель, иди прими душ, пока дождь хорошо льёт, воды теперь навалом, — он перехватил валявшийся на траве топор. — С бочонком я сам разберусь, заодно ещё дровишек нарублю.

Тан Буфань окинул взглядом ревущую серую стену ливня и поднялся, складывая стул.

— С углем закончено, этого должно хватить. Давай лучше сразу тронемся в путь, а запасы пополним в следующем лесу.

Буфань спешил добраться до ярмарки. Его угасающее тело больше не могло терпеть проволочек.

— Ладно, — согласился Лу И.

Как только Тан Буфань со стулом скрылся в салоне, парень махнул рукой в объектив внешней камеры, и Братец Кай послушно сложил защитный козырек из солнечных панелей.

Хлынувший ливень в одно мгновение затушил кострище. Дождавшись, пока железное ведро немного остынет, Лу И приподнял крышку. Учитель справился на отлично: поленья прогорели как надо, превратившись в иссиня-черный, звонкий и сухой уголь.

Зверолюд подхватил ведро, припечатал тяжелым армейским берцем последнюю тлеющую искру и взбежал по ступенькам внутрь.

Братец Кай задраил металлическую дверь, запустил двигатель и плавно направил тяжелый автодом вниз по раскисшему склону.

— Сначала в душ, — Тан Буфань уже приготовил для него сменную одежду. Окинув взглядом стекающие с парня ручьи воды и налипшую на подошвы грязь, он добавил: — Иначе весь салон зальешь.

Лу И согласно кивнул: дождь хлестал не на шутку и затихать явно не собирался, так что нужды экономить воду не было. Он взял сухие вещи и уже занес ногу над порогом душевой кабины, как вдруг автодом резко занесло. Оба покачнулись от неожиданного толчка.

Лу И мгновенно восстановил равновесие и потянулся, чтобы подхватить Тан Буфана за талию, но тот уже сам мертвой хваткой вцепился в оконную раму. Прильнув к стеклу, они поняли, в чем дело: колеса забуксовали в глубокой грязи на склоне. Впрочем, Братец Кай быстро выровнял ход, не дав машине завалиться набок.

— Учитель, иди купайся первый, — Лу И нахмурился, понимая, что дело плохо. — Я выйду, помогу Братцу Каю одолеть этот косогор.

— Осторожнее там, — Тан Буфань нахмурился, но удерживать парня не стал. Спуск по раскисшей глине действительно грозил опрокидыванием.

Лу И ободряюще улыбнулся, накинул капюшон и выпрыгнул под ливень. Тан Буфань перебрался к кабине водителя, наблюдая за ним сквозь лобовое стекло. Парень частично принял звериное обличие: двигаясь боком перед самым капотом, он упирался мощным плечом в бампер, помогая Братцу Каю сдерживать напор сползающей машины и регулировать скорость спуска. Судя по уверенным движениям, зверь держал ситуацию под контролем. Лишь когда опасность миновала, Тан Буфань выдохнул с облегчением.

Когда автодом благополучно преодолел косогор и выбрался на ровный участок, Тан Буфань собрал вещи и скрылся в душевой.

У затянувшего небо ненастья, лишившего их солнечного тепла, обнаружился один несомненный плюс: запасы воды пополнялись сами собой. Тан Буфань и Лу И воспользовались этим, чтобы устроить в салоне генеральную уборку, а вечером даже позволили себе неслыханную роскошь — помыться еще раз перед сном.

Если не считать стремительно тающего запаса горючего, жизнь налаживалась: теперь они могли умываться и чистить зубы дважды в день.

— Эх, перевести бы наш ковчег на ядерную тягу, — мечтательно протянул Тан Буфань, устраиваясь вместе с Лу И у самого порога открытого жилого отсека.

Снаружи шелестел мелкий дождь. Автодом лениво катил вперед с полуоткрытыми дверями. Чем дальше на восток они продвигались, тем более вязкой становилась почва. Дороги тысячелетней давности давно исчезли, уступив место бескрайней раскисшей глуши. Разбить лагерь под открытым небом было невозможно, поэтому беглецы коротали время в тепле, греясь у самодельной жаровни из железного ведра.

— Ядерные аккумуляторы — штука редкая, — отозвался Лу И, устроившись на низкой табуретке. Влажный прохладный ветер, врывавшийся сквозь открытый проем, приятно охлаждал лицо. — Сырье для них добывать невероятно трудно, так что даже Федерация выпускает от силы несколько таких машин в год.

Тан Буфань уже кутался в легкий шерстяной свитер, в то время как зверочеловек сидел в одной майке, подставив ветру крепкие рельефные руки. Для его горячего тела такая погода казалась идеальной.

— Может, при следующей встрече с Андерсоном разберем его байк? — шутливо предложил Тан Буфань, садясь напротив юноши.

— Батарея его мотоцикла слишком мала для нашего дома на колесах, — улыбнулся Лу И. — Она просто не выдаст нужного напряжения. На моем браслете с искусственным интеллектом тоже стоит ядерный элемент, но его пусковой ток ничтожен, для крупной техники он бесполезен.

Тан Буфань разочарованно вздохнул, мысленно прощаясь с планом обогнать преследователя, но тут же любопытствовал:

— Мы так давно его не видели. Неужели он наконец отстал и поехал другой дорогой?

— Нет, он где-то поблизости, — ответил Лу И, переворачивая шипящие над углями шпатель с мясом.

Тан Буфань замер. Спрятав зябнущие ладони в длинные рукава просторного свитера и зажав

их между коленями, он с недоумением уставился на собеседника:

— С чего ты взял?

— Он знает, что наш путь лежит в Восточный округ, а тяжелый автодом может ехать только по равнинам. Просчитать маршрут нетрудно, — Лу И повернулся к нему. — К тому же, когда я набирал воду у горного ручья, то почувствовал его след. Он по-прежнему идет чуть впереди нас.

Тан Буфань выпрямился и посмотрел в открытый проем двери. Машина медленно ползла сквозь серую хмарь раскисшей пустоши. Вдали виднелся скелет поваленной опоры высоковольтных линий — ржавый остов, похороненный под ковром дикого плюща.

— Удивительно, — задумчиво произнес учитель. — И почему он до сих пор не попытался напасть?

— Наверное, просто не хочет лишний раз со мной пересекаться, — с легкой горечью усмехнулся Лу И.

Буфань ненадолго замолчал, а затем негромко заметил:

— Но ведь он когда-то заботился о тебе, разве нет?

— Заботился... было дело...

— Он хвастался мне, что лично менял тебе пеленки.

Парень опешил. Влажный сквозняк взъерошил его челку, а на скулах благородного, красивого лица проступил густой румянец.

— Быть... быть не может...

— А сколько ему лет? — любопытствовал Тан Буфань. Прежде он не задумывался о возрасте преследователя, хотя внешне тот выглядел довольно молодо.

Лу И прикинул в уме:

— Тридцать.

— Ну вот, он старше тебя на целых тринадцать лет, — Тан Буфань окончательно убедился в правдивости слов Андерсона. — Так что насчет пеленок он точно не соврал.

Зверочеловек скорчил неопишемую мину, не зная, куда деваться от стыда. А Тан Буфань продолжал увлеченно размышлять вслух:

— Если он нянчился с тобой с пеленок, а потом еще несколько лет опекал, то между вами наверняка...

— Пожалуйста, давай закроем эту тему, — взмолился покрасневший до ушей юноша. Сгорая от неловкости, он поспешно снял с жаровни готовую шпажку и протянул учителю: — Это было больше десяти лет назад.

— Зато это отличный повод воззвать к его былым чувствам! — совершенно серьезно парировал Тан Буфань, забирая угощение.

Их пальцы соприкоснулись. Лу И резко перехватил его ладонь и обеспокоенно нахмурился:

— Почему ты такой холодный? — кожа учителя казалась ледяной, словно в жилах совсем не осталось тепла.

— А когда было иначе? — Тан Буфань высвободил ладонь, поспешно пряча ее обратно в длинный рукав свитера.

Лу И потянулся было проверить, не замерз ли весь его спутник, но учитель ловко увернулся.

— Следи за мясом и руки не распускай, — проворчал Тан Буфань, впиваясь зубами в сочный кусок.

Лу И так и замер с протянутой рукой, ошеломленный такой несправедливостью. Когда самому учителю взбредет в голову, он без стеснения обнимает и целует его, а теперь, видите ли, обвиняет в вольности! Смирившись с причудами своего спутника, парень лишь тихо вздохнул и обратился к кабине:

— Братец Кай, прикрой дверь наполовину.

— Принято, Лу И.

Дождь зарядил еще на двое суток. Когда он наконец утих, небо так и не прояснилось, оставшись висеть над головой унылым серым куполом, а колеса продолжали вязнуть в раскисшей колее. Тан Буфань, выросший на благодатном юге, не знал, были ли северные осени всегда столь беспросветными, или же этот мрачный саван — наследие погибшего старого мира.

В пути не обошлось без дорожных происшествий: переднее левое колесо намертво засело в

глубокой выбоине. Братец Кай безуспешно газовал — покрышки бешено вращались, меча во все стороны фонтаны жирной грязи, но тяжелая машина не двигалась с места. Не помогла и грубая сила: даже когда Лу И, частично обратившись зверем, уперся в бампер сзади, автодом лишь безнадежно буксовал.

В конце концов пришлось идти на хитрость. Лу И отправился в пустошь и вскоре вернулся, ведя на веревке стаю из двух десятков бродячих одичавших псов и огромного полудикого быка. Кое-как связав эту разношерстную свору перед капотом, они приготовились. Братец Кай резко нажал на клаксон. Перепуганные звери рванули вперед изо всех сил, Лу И налег на багажник сзади, и под общий рев и лай автодом нехотя выкатился из злополучной ямы.

Лу И распустил упряжь, отпуская перепуганных животных на волю. Тан Буфань наблюдал за ним из окна кабины. Видя, как парень устало разминает затекшие плечи, учитель ощутил, как грудь сдавило от щемящего чувства вины и безграничной благодарности. Без этого юноши он никогда не проделал бы такой путь. Тан Буфань прекрасно понимал: не будь Лу И рядом, его история закончилась бы еще пару месяцев назад в бесплодных песках. Он остался бы лежать там, завернутый в истлевшие черные тряпки на холодном полу этого самого фургона — его плоть сначала бы распухла от жары, затем сгнила, обратившись в зловонную жижу, и со временем осыпалась прахом. Тан Буфань был должен своему спасителю куда больше, чем просто жизнь.

В течение следующих нескольких дней автодом держал курс на северо-восток. Постепенно унылый пейзаж сменился простором: раскисшая глина уступила место бескрайней степи, покрытой ковром из жухлой желто-зеленой травы. Всё чаще стали попадаться следы живой природы, а вскоре путники встретили первых местных жителей — звероловцев.

В основном это были оборванные, взъерошенные низшие звероловы, кутавшиеся в грязное тряпье. Лишь изредка среди них мелькали те, кто выглядел поопрятнее; они ехали верхом или правили грубо сколоченными телегами, доверху набитыми нехитрым скарбом. Картина живо напоминала старинные фотографии эпохи поздней империи Цин: разбитые дороги, толпы изможденных людей в лохмотьях, спешащих на базар, свалывшиеся волосы, лица, покрытые слоем пыли и копоти — у всех, даже у малолетних детей. Мир вокруг оставался цветным, но веяло от него беспросветной серостью.

Очевидно, все эти странники держали путь на ту самую степную ярмарку, надеясь запастись самым необходимым перед долгой зимой. Завидев огромный диковинный автодом, толпа в страхе и изумлении расступалась, а замечая за рулем благородного высшего зверолова, люди склоняли головы, провожая Лу И полными трепета взглядами.

Тан Буфань поспешил укрыться в глубине жилого отсека. Он плотно занавесил окна и вновь обмотал лицо черной тканью. Как человеку и беглому преступнику, объявленному в розыск в Восточном округе, ему нельзя было показываться на глаза чужакам. Когда-то, путешествуя с Дядей Волком и Эберроном, он точно так же всю дорогу прятался в машине. Самый позорный случай произошел, когда ему пришлось запереться в тесной душевой кабине, пока банда дикарей пыталась разбить стекла и разграбить их фургон. Тогда Дядя Волк быстро разогнал грабителей — в этих диких краях средний зверолов считался грозной силой, а высших здесь отродясь не видывали.

— Учитель, тебе больше не нужно прятаться, — заметив его приготовления, Лу И позвал его обратно в кабину. — Рядом со мной ты в полной безопасности. Я — высший зверолод, так что держись смелее.

— Но на ярмарке будет полно народу... — Тан Буфань всё ещё колебался, чувствуя смутную тревогу. — Зверолоды — это не безмозглые токсичные люди. Я ведь не могу просто так разгуливать там с оружием в руках...

— Очень даже можешь, — мягко прервал его Лу И. Он с самого начала собирался настоять на том, чтобы спутник вооружился. Среди дикарей полно невежественного сброда и отпетых головорезов, так что лишний ствол лишним не будет.

Учитель растерялся, но после недолгих колебаний всё же открыл оружейный ящик, вытащил тяжелый пистолет и заткнул его за пояс. Мысленно взяв себя в руки, он медленно вышел на свет.

— Давай поменяемся местами, — глухо из-под маски попросил Тан Буфань. — Садись за руль ты.

Если бы за рулем сидел человек, это вызвало бы ненужные подозрения у толпы, да и положение Лу И как высшего зверолода могло бы пострадать от косых взглядов.

Лу И не стал спорить. Перехватив у Братца Кая управление, он уверенно повел машину вперед.

— Учитель, тебе когда-нибудь приходилось убивать зверолодей? — негромко спросил он, не отрывая взгляда от дороги.

В груди у Тан Буфана неприятно екнуло. Спустя долгую паузу он тихо ответил:

— Только... Дядя Волк и Эберрон на моих глазах...

Сам он никогда не нажимал на курок против разумных, хотя не раз видел, как Дядя Волк безжалостно расправлялся с нападавшими грабителями неподалеку от рынков.

— Некоторые из наших сородичей бывают куда омерзительнее токсичных людей, — твердо произнес Лу И. — Если придется нажать на спуск — не сомневайся ни секунды лишь потому, что перед тобой разумное существо. Оборвав их жизни, ты, возможно, спасешь невинных.

Юноша говорил это без тени жестокости — он слишком хорошо знал обостренное чувство справедливости своего наставника и верил, что тот никогда не применит силу во зло.

Слушая его, Тан Буфань поймал себя на странной мысли: их роли учителя и ученика словно

поменялись местами.

— А тебе... приходилось их убивать? — спросил он, глядя на парня своими темными, глубокими глазами из-под черных складок ткани.

— Да, — Лу И на мгновение замялся, подбирая слова. — Отец давал мне в руки оружие с десяти лет. Когда в общине происходили жестокие преступления и требовалась публичная казнь, он заставлял меня приводить приговор в исполнение.

Учитель онемел от шока, во все глаза уставившись на молодого спутника.

— В десять лет?.. Но это же совсем ребенок. Зачем такая жестокость?

Буфань вовсе не был противником сурового правосудия, но заставлять десятилетнего мальчишку быть палачом... это укладывалось в голове с трудом.

— По меркам нашей семьи это еще поздно, — мягко и совершенно спокойно возразил Лу И. — Мой прадед в пять лет лично застрелил мерзавца, который замучил до смерти беременную женщину. Детей в нашем роду приучают к суровой реальности с самых малых лет.

Парень рассказывал об этом так обыденно, словно речь шла о погоде, но у Тан Буфania внутри всё сжалось от глухой тоски. Для человека родом из мирного двадцать первого века подобные вещи казались дикостью. Впрочем, стоило признать: возможно, лишь граждане его родины могли позволить себе роскошь считать мир изначально добрым и безопасным. Даже в его сытое время целые континенты задыхались от бесконечной резни. В конце концов, тишина и покой — лишь редкое исключение, тогда как хаос и война — истинный закон истории.

Тан Буфань тяжело вздохнул, достал обойму и с глухим щелчком загнал ее в рукоять пистолета.

Около часа дня автодом наконец дополз до места.

Сквозь лобовое стекло кабины они увидели цель своего долгого пути. Сотни потрепанных ветром шатров и юрт раскинулись посреди бескрайнего, пожухлого степного простора. Внизу копошилось великое множество людей, а порывы ледяного осеннего ветра с шумом трепали потемневшие от копоти и грязи полотна палаток.